

A photograph of a narrow, dilapidated hallway. The walls are painted a faded green and are heavily peeling and cracked. A single light fixture hangs from the ceiling. At the end of the hallway is a door with a small window. A window with a grid pattern is visible above the door. The floor is dark and appears to be made of stone or concrete, with some debris scattered on it. The overall atmosphere is one of decay and neglect.

Евгений Коско

Практика

18+

ЕВГЕНИЙ КОСКО

Практика

«Автор»

2026

Коско Е. Ю.

Практика / Е. Ю. Коско — «Автор», 2026

Олег всегда хотел понять, что такое страх. По-настоящему. Не в книгах и фильмах, а в реальной жизни. Когда он приезжает на практику в старую психиатрическую больницу, ему кажется, что он нашёл идеальное место. Заброшенное отделение, холодные стены, тишина, в которой можно сойти с ума. Но прошлое этого места не даёт ему покоя. Дарья. Его одноклассница. Она лежала здесь, в шестой палате. Потом её выписали. А потом она повесилась. Главврач говорит, что она была безнадёжна. Но дневник Дарьи говорит другое. С каждым днём Олег теряет себя. Он уже не знает, где заканчивается исследование и начинается его собственное безумие. Но он не может остановиться. Потому что если он остановится — он никогда не узнает правду. А правда не даёт покоя мёртвым. И мёртвые не дадут покоя ему.

© Коско Е. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление. День перед отъездом.	5
Глава 1. Дорога.	7
Глава 2. Я всегда был фанатом ужасов.	9
Г	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Практика

Вступление. День перед отъездом.

Я всегда был фанатом ужасов. Тёмные коридоры, дикий адреналин, невозможность даже моргнуть при прочтении — это было моей жизнью. Но я не просто «читал» страх. Я хотел почувствовать его. Понять, что происходит с человеком, когда его мир начинает трещать.

Сегодня был последний день перед практикой. Третий курс. Я уже оформил все документы. Вечером — автобус до посёлка, где я родился. Там, в старой психиатрической больнице, я должен был пройти свою практику.

Но сначала — университет.

Я сидел на паре и смотрел, как преподаватель ходит между рядами. Психолог. Один из немногих учителей, которых я уважал. Он говорил о том, как человек сходит с ума в изоляции. Как одиночество становится не просто условием, а орудием. Как мозг начинает создавать голоса, чтобы заполнить тишину.

— Человек, лишённый общества, — говорил он, — начинает терять себя. Сначала он слышит шаги. Потом — голоса. Потом — он уже не уверен, что он — один.

Я ловил каждое его слово. Потому что он говорил о том, о чём я читал в книгах. О том, что я хотел увидеть.

Вокруг меня сидели студенты. Они зевали, переписывались в телефонах, рисовали что-то в тетрадах. И я смотрел на них и думал: они не живут. Они существуют. Они не знают, что такое быть в моменте. Когда время останавливается. Когда сердце бьётся так, будто оно не твоё. Когда мысли сужаются в одну точку — и ты не слышишь их, ты только реагируешь. Затаив дыхание. Пять секунд, которые кажутся вечностью. Это состояние привлекало меня в ужасниках. Но со временем оно притупляет чувства. Всё становится обычным. Скучным. И ты начинаешь искать большее.

Я смотрел на доску, но видел только отражение своих мыслей. Я не знал, что ждёт меня там, в той больнице. Но я знал одно: я хочу испытать что-то настоящее. Даже если это сломает меня.

— Олег, ты сегодня рассеян, — услышал я голос.

Я поднял голову. Преподаватель стоял рядом. Он смотрел на меня не как на студента — как на человека, который собирается сделать что-то опасное.

— Извините, — сказал я. — Я думаю о практике.

— Ты хочешь понять страх, — сказал он. Не спросил — констатировал.

Я кивнул.

Он помолчал. Потом сказал тихо, почти шёпотом:

— Будь осторожен, Олег. То место, куда ты едешь... у меня не лучшие слухи о нём. Я бы хотел, чтобы ты выбрал другое место для практики.

Он вытер пот со лба. Руки его дрожали.

— Мне снился сон. В котором ты... в котором тебя засосала пучина отчаяния. Я не знаю, что это значит. Но я прошу тебя: будь осторожен.

Он замолчал, будто его что-то отвлекло. Потом, словно очнувшись, добавил:

— В любом случае... удачной поездки, друг мой.

— Спасибо, — сказал я.

Я даже не понял, что ответил. Слова пролетели мимо. Я схватил рюкзак и вышел из аудитории, не оглядываясь.

Дорога домой была пустой. Я шёл по узкой улице, где уже зажигались фонари. Город казался мне чужим — я жил здесь, но никогда не чувствовал себя его частью. Я смотрел на

прохожих и видел только тех, кто не живёт. Тех, кто боится даже задать себе вопрос: а что, если за этим миром есть что-то ещё?

Я думал о словах преподавателя. «Пучину отчаяния». Красивая метафора. Но она была слишком книжной. Слишком правильной. Я хотел почувствовать её. Понять, что это значит — когда мир трещит по швам.

Дома отец лежал на диване, смотрел телевизор. Кондитерская отнимала все его силы, он смотрел на меня усталыми, добрыми глазами. Он не сразу заметил меня. Мы не часто говорили по душам — он был занят, я был занят своими мыслями. Но в нём всегда было что-то тёплое, что-то настоящее.

— Ты уже уезжаешь? — спросил он.

— Да. Через час автобус.

Я забрал два чемодана — один с одеждой, второй — с книгами. Книг было больше. Они были моим миром. Моей защитой.

Я уже хотел выйти, как вдруг заметил, что дверь в его комнату приоткрыта. Оттуда доносился голос. Его голос. Но он звучал странно. Глубже. Чужо.

«Ты... останешься здесь...»

Я замер. Слова были его, но голос — нет. Он был ниже. Как будто кто-то другой говорил через него. Как будто его горло принадлежало не ему.

Я поставил чемоданы и медленно подошёл к двери. Шаги были тихими, но я слышал их. С каждым шагом голос становился чётче.

«Ты останешься здесь.»

Я дотронулся до стеклянной вставки. Тень внутри дотронулась до стекла с другой стороны. Я закрыл глаза. Слезы потекли сами собой. И в тот момент мне показалось, что я еду туда, где мне будет очень плохо. Очень страшно. Что я уже не вернусь прежним.

И тут — женский голос. Тёплый. Спокойный.

«Иди ко мне...»

Я открыл глаза. Дверь в комнату отца была распахнута. Он стоял на пороге, потирая глаза, сонный, и смотрел на меня с удивлением.

— Ты уже уезжаешь? — спросил он. — Я вызвал тебе такси.

Я смотрел на него и не мог понять: что это было? Голос? Тень? Женский голос? Он смотрел на меня как ни в чём не бывало. Будто ничего не произошло.

— Что это было? — спросил я. Голос сел, стал хриплым.

— О чём ты? — ответил он. — Такси не может ждать вечно. Поезжай уже.

Я смотрел на него и не мог пошевелиться.

— Всё хорошо? — спросил он.

— Да, — сказал я. — Всё... в порядке.

Я подхватил чемоданы и вышел из дома.

На улице было тихо. Фонари горели ровно, без помех. Всё было как всегда. Но я знал: это — только начало. Это — первая ступень. Та, с которой начинается спуск.

И я ещё не знал, как далеко мне придётся зайти.

Глава 1. Дорога.

Такси медленно ехало по городу. Был уже вечер, и вот-вот должны были зажечься фонари. Дорога была центральной, роскошной, и пересекала город на две части — как будто город сам себя делил на прошлое и будущее.

Мы проезжали площадь. На ней не было статуй — раньше там стояла какая-то историческая личность, но после мятежей и понимания того, что она не всем угождает, её снесли. Остался только пустой постамент. Как напоминание о том, что даже камень может быть стёрт.

Таксист был из молчаливых. Отличный работник. Я смотрел в окно и не хотел говорить. Мне хотелось просто видеть.

Дома были большими, с белыми арками. Мы проезжали мимо дома культуры — потрясающего здания с мраморными колоннами по бокам. В центре виднелись кованые ворота — достаточно большие, но не вульгарные. Выше их располагалось дугообразное окно, а потрясающая керамическая крыша завершала картину.

Этот город забирал все мои мысли. Мне не хотелось думать. Мне хотелось просто любоваться пейзажами. Я пытался запомнить всё — как будто больше не приеду в этот город. Как будто больше не увижу эту красоту.

И тут мы приехали на вокзал.

Здание было монументальным. Стекло. Множество листов стекла, сложенных в странную, необычную форму. Трудно было передать словами — оно напоминало куполообразную божью коровку. Это была достопримечательность нашего города. Совсем недавно здесь сделали ремонт, который полностью перепрошил здание, превратив его в нечто футуристическое и холодное.

Десятая платформа.

Я вышел из такси, взял чемоданы и начал ждать. Я сел на скамейку — она была холодной, металлической, с облупившейся краской. Смотрел на рельсы и думал: сколько поездов ушло отсюда, и сколько из них никогда не вернуться?

Было тихо. Только где-то вдалеке объявляли посадку, и голос эхом разносился под стеклянным куполом.

Я решил осмотреть тех, кто на выходные собирался в этот захудалый городишко. Пять человек. Трое рабочих — уставшие, с сумками через плечо. Одна девушка — она была старше меня, лет тридцать, очень пухлая, с добрым лицом. Говорила о том, что поездка будет спокойной. Я ей почти поверил.

Автобус приехал через десять минут. Старый, но на вид крепкий. Я закинул чемоданы в багажник и сел у окна.

Ехать всего два часа. Хорошо, что выбрались вечером — в жарком автобусе днём не выдержал бы каждый. Стемнело быстро, и за окном начал тянуться бесконечный лес.

Миновало тридцать минут поездки. Мы уже выбрались за город. И тут вокруг был только сплошной лес. Густой, чёрный, без единого огонька. *Что будет, если мы поломаемся?* — подумал я. Автобус был крепкий на вид, но крепкое на вид, не значит надёжное.

Я просто смотрел в лес. За окном уже было темно, и я думал: чем дальше мы едем, тем меньше шансов, что сможем выжить, если что-то сломается.

Кто-то в автобусе сказал, что в этом лесу водятся волки. Их довольно много. Поэтому здесь круглогодичный охотничий сезон — именно на волков.

Как будто мне так не хватало жути.

Потом кто-то говорил, что был знакомый его знакомого, которого разорвали волки — и от него нашли только одежду. Пухленькая женщина от ужаса закрыла глаза руками. Я смотрел на неё и думал: она боится историй. А я хочу, чтобы они были настоящими.

За этими интересными беседами мы приехали в нужное место.

Фонарей было мало, но они были. На окраине стояли побитые машины — брошенные, без колёс, без стёкол. Такое ощущение, что мусор вывозят прямо сюда.

В центре города с движением машин было свободно — такое ощущение, что город вымер. Старые кирпичные пятиэтажки, серые, облупившиеся. Из интересного я увидел только бар. Да и тот выглядел так, будто открылся ещё до моего рождения и с тех пор не менялся.

Тут нечему было зацепиться глазу. Интересно, как моё внутреннее самочувствие коррелировало с этим местом? Оно подходило мне. Оно не отвлекало мыслей от самого главного — от моих мыслей. Здесь нет роскоши. Только я и больница, в которую я пойду работать.

От возбуждения я начал скрипеть зубами.

Я вышел на остановке. Я был здесь давно — в детстве. Но спустя сорок минут я всё-таки нашёл свой дом. Учтывая, что весь город можно пройти за час, это было неплохо.

Дом был старым, с облупившейся краской и скрипучей дверью. Я нашёл ключ под ковриком — отец сказал, что положит. Дверь открылась с протяжным скрипом. Внутри пахло сыростью и забытым временем.

Я включил свет. Комната была маленькой — кровать, стол, шкаф. И тишина. Такая, что я слышал, как бьётся моё сердце.

Это была однокомнатная квартирка, в которой будет проходить часть моей самой весёлой жизни.

Я этого не знал.

Но я уже чувствовал: это место не отпустит меня. Глава 2.

Глава 2. Я всегда был фанатом ужасов.

Тёмные, мрачные коридоры, дикий адреналин, невозможность даже моргнуть при прочтении шедевра. У меня был фаворит — только одна книга: «Путешествие по безумию». Перечитывал её раз пять, и каждый раз находил новую деталь, от которой по коже мороз. Я вообще был фанатом психбольниц, ведь всё мистическое, необъяснимое и чудовищное происходит, когда связь с реальностью становится тонкой.

Весь детство прожил в этом городке — Нилрой. Население примерно десять тысяч человек. Из развлечений у нас — клуб и бар. Пока остальная часть мира довольствовалась 5G и интернетом, мы были рады обычной книге. Может, поэтому я так и тянулся к запретному — хотелось заглянуть туда, где нормальные люди не рискуют смотреть.

Мне двадцать лет. Сегодня устраиваться в психиатрическую больницу ночным санитаром. Эта практика — я учусь на психиатра и вот я сам напросился в свой город для стажировки.

Это было большое двухэтажное здание белого от мела цвета, с решётками на окнах. Напоминало казармы. Подошёл поближе — краска облупилась, на стенах трещины, будто здание дышало через силу. Завхоз, встретивший меня у входа, не скрывал своего удивления, что кто-то вообще пришёл в эту часть города, а не то, чтобы устроиться на практику. Да ещё ночным санитаром.

— Начальства сейчас нет, давай мне документы, я оформлю тебя.

Я не стал скрывать и сказал, что я фанат ужасов и гнетущей атмосферы. В теории я подкован множеством книг. Теперь вот хочу почувствовать настоящее и получить практические знания.

— В моей молодости мы девок за груди жмякали, в этом у меня были практические знания, — сказал мелкий, толстый, явно не привлекательный в молодости завхоз. — Да и с настоящим придётся повременить. Пока что побудешь в закрытом отделении под снос. Это временная мера. Нужно понять, как ты в деле, и серьёзные ли у тебя намерения. Здесь, кстати, остались некоторые документы в архиве, тебе будет полезно почитать. Дурости ещё больше прибавится.

С усмешкой сказал завхоз.

Первый осмотр территории показал, что это был длинный коридор с палатами, который резко обрывался заколоченной дверью.

— Там прохода нет, — сказал мужик.

После этого он дал мне сменную одежду и поспешно удалился. Я остался один. Сразу стало тише — до звона в ушах. Слава богу, в начале коридора стояли стул и стол с лампой. Лампа старая, с металлическим абажуром — такие ещё в ужастиках восьмидесятых показывали.

Что же ещё могу сделать? Как мне прочитать отрывок из своей любимой книги — в которую я так хотел попасть?

«Больной вскочил с кровати без помощи рук, связанных в смиренную рубашку. Глаза его налились красным, как зимняя рябина, кровью. Издавая щёлкающий звук, подскочил к санитару».

Читая это, понимаешь, какое количество интересных судеб пролежало в этой больнице. Сколько из них ещё бродят здесь тенью?

Я встал, вдохнул полной грудью. На улице было лето. Странно — подул лёгкий ветерок, хотя окна были закрыты. Я специально проверил рукой — ни щели, ни сквозняка. А ветер был. Потрясающе — первая иррациональная деталь.

Нужно завести Дневник Зло вещности и всё писать туда. Я пока не начал разглядывать палаты и находить интересные предметы. Всё равно могу сказать, что это место меня не разочаровало. Здесь даже дышится иначе.

Палат было шесть, и напротив три больших окна в коридоре. Всё белое. Стены потрескавшиеся, но видно, что отделение освобождали в спешке: вон кружка валяется на полу, вон ложка. На одной из стен — следы скотча, будто что-то отдирали второпях. Может, таблички с именами.

Я хочу найти что-нибудь из вещей больных в палатах. Но нужно растягивать удовольствие. Я ещё не насладился моментом. Здесь ведь вполне могли лежать извращенцы и педофилы. Интересно, чем они отличаются от тех, кто в тюрьме. Мне кажется, те что в тюрьме — вот они опасные, но у них есть шанс понять содеянное. А психи — они безопаснее своей безответственностью, но остановиться не могут. И никогда не признают, что были неправы.

Замечательно, какие мысли посещают. Я встал и потер плечи руками. Да откуда этот холод? В июле в закрытой палате не может быть так, чтобы пар изо рта — но мне показалось, или на секунду он всё же появился?

Аудиозапись:

«Первый выход. Обещают звуки, шаги, сквозняки. Посмотрим, насколько страшно будет на самом деле. Ставлю шесть из десяти с потенциалом.»

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.